

Сентенция о метании ТЫНЗЯНА на хорей

Текст: АЛЕКСАНДР ЛАЗРТСКИЙ. Фото автора

Ежедневно я изымаю из своего почтового ящика кучи писем. Мне пишут много, регулярно и часто. В основном из налоговой инспекции и «Мосэнерго». А этот день стал приятным исключением.

Среди привычных унылых конвертов позитивно вибрировало нечто яркое и многообещающее. Я бы даже сказал — Европейское. Ведь конверты — это как города: от одних несет нищетой и бесперспективностью, от других чем-то другим, как правило, тоже невеселым. А этот конверт был ну как коробка конфет, что ли, не знаю, как объяснить. Легко перепрыгивая через три ступеньки, я перепелиным перышком взлетел на свой четырнадцатый этаж. Бросил в угол сумку с бутсами. Повесил боксерские перчатки на вешалку для шляп и, насвистывая Шестую симфонию Густава Малера, вскрыл письмо.

«Уважаемый Александр! Добро пожаловать на Чемпионат мира по высшему пилотажу 2009 года, который проводится на знаменитой британской гоночной трассе в Сильверстоуне.

На соревнованиях соберутся более 60 сильнейших пилотов со всего мира, в том числе и сборная России по высшему пилотажу. Компания Mazda UK выступает генеральным спонсором Чемпионата и в рамках этого мероприятия представит новую Mazda 3 MPS.

С уважением, Грэм Фадж (директор по связям с общественностью Mazda UK)».

Я, как вы сами понимаете, не совсем поверил глазам. Я не пилотировал уже лет десять.

А десять лет назад я пилотировал, конечно, но совсем мало. Так, пару раз дали рогастый штурвал в моментально вспотевшие ладошки. И говорили: только вниз не смотри!

Так что растерял я навыки. А в нашем летном деле, даже при очень хорошей физической форме и высоком интеллекте, кх... навыки все же стоят на первом месте.

Набираю старине Грэму. Говорю, что, дескать, я бы и рад выступить, да боюсь подвести команду. Мол, навыки меня покинули. Смеется. Не захочешь, не летай, говорит. Просто приезжай. Пивка попьем, в наш университет сгоняем, благо до Оксфорда тут пять шагов. Потом помолчал и так полушепотом: «Вичка подтянется!»

Виктория дель Пино! Дочь испанского строительного миллионера, моя старая знакомая, с которой мы в юности пешком пересекли за одну ночь всю Прагу с севера на юг! Девушка с полным отсутствием даже признаков лицемерия. Пожалуй, самое светлое и доброе существо из всех существ, встреченных мной на жизненном пути.

«С этого надо было начинать», — отвечаю и начинаю паковать рюкзачок.

Хитрец Грэм замолчал. Вслушивается: елозит ли молния? Елозит, Грэм, еще как елозит! Вылетаю! Встречай.

Шторка, отделяющая наш бизнес-класс от эконома, зашевелилась, и сквозь нее протиснулся грудничок, едва научившийся ходить. Рядом с моим креслом он упал на гузу и стал тянуть ко мне свои ручки. Я поднял ребенка, и он ушел. Потом пришел снова, упал, я поднял, он ушел. И так весь полет. Придет, упадет, уйдет. Короче, выходил я из самолета с реально раскочанными бицепсами и весь гибкий, как гимнаст.

Время у меня было, и я решил погулять по Лондону. Отправился на Бонд-стрит.

Бонд-стрит удивила неприятно. Я ведь привык бродить вальяжно и задумчиво, чтобы все понимали, что думаю думаю или у меня светлая печаль. А здесь взад и вперед, а также поперек со страшной скоростью носились английские граждане и гости столицы. То есть идти спокойно там нельзя. Совсем. И гибкость, приобретенная в самолете, очень мне пригодилась. Пару раз я едва увернулся от столкновений с зажатыми в голодных руках хотдогами. А если мне нужно было куда-то зайти, то оттуда непременно нужно было кому-то выйти. Причем срочно. И с баулами. Признаюсь, я ни разу в жизни не был на вещевых рынках, но почему-то ассоциация именно с отечественными вещевыми рынками навязчиво угнездилась в голове. Только заменить наших граждан индусами. Да, точно! Вот такова нынешняя Бонд-стрит. Из каждой лавки орет какая-то неприятная музыка. Все это на искажениях, с хрипом. Пахло чебуреками. Возле большого магазина, торгующего разными штанами и кепками для здешних неформалов, бойкие, стремного вида негритята из-под полы продавали CD-болванки с какой-то музыкой. Прикиньте, а? В Лондоне!

Погрустневший, я сел в машину и отправился в деревушку Сильверстоун. «Куда катится этот мир?» — вертелось в голове. Но постепенно настроение стало улучшаться. По бокам замелькали дивные пейзажи: маленькие домики, поля, овечки и аккуратные рулеты из сена. Все это было под солнцем. В холле уютного отеля, к которому вплотную прилегало столь родное моему сердцу поле для гольфа, меня встретили представители компании Mazda. Я протянул им загорелую сильную руку и представился: «Гуттаперчевый мальчик с Бонд-стрит!» Шутка была оценена. Все же, как ни крути, а мыслю я совсем на английский манер. И в утонченном лесу английского юмора, столь дремучем для иных, я чувствую себя как отважный белорусский партизан в Беловежской пуще. «Гуттаперчевый мальчик с Бонд-стрит». Дарю. Пользуйтесь на здоровье! Отужинав деликатесами разных народов, я крепко заснул сном уверенного в себе, счастливого человека.

Утром меня повезли на аэродром, где проходили соревнования. Данный аэродром построили в 1943 году и вплоть до окончания войны использовали как базу американских и английских ВВС. Потом здесь обучали пилотов-чайников, а затем войны окончательно покинули данную территорию, и ее облюбовали гонщики. В 1950 году, когда мне было минус четырнадцать лет, в Сильверстоуне прошел первый национальный этап гонок «Формулы-1». На событии присутствовали царь Георг VI и огромная толпа подданных-болельщиков. А теперь по бывшим взлетным полосам на новенькой Mazda рассекал я, горделиво оглядывая легендарный объект. Приехали. Гляжу, по полю птицей несется ко мне Вика! Волосы развеваются, конь, а не девка. Точнее, лошадка. Красавица! У нее в шестнадцать лет летных часов было больше, чем у всех вторых пилотов российских авиалиний вместе взятых.

За ней, раскинув для объятий руки, солидно идет Грэм. Вначале я обнял Викторию. Все такая же изящная сильная спина. Все так же, нежными цветами, пахнут ее волосы. Сердце мое заколотилось, и скупая слеза сверкнула в углу глаза моего на сильверстоунском солнышке. Затем падаю в крепкие объятия Грэма. Грэм — настоящий мужик. Все понял. «Ладно, — говорит, — оставлю вас. У меня тут работы невпроворот. Вечером по пивку?» «А как же!» — отвечаю. И вот мы с Викторией вдвоем. Вспоминаем нашу юность. Разглядываем стоящие в огромных ангарах спортивные самолеты. Она по ходу рассказывает мне, что первый послевоенный чемпионат мира по высшему пилотажу проходил в 1960 году в Чехословакии.

И с тех пор проводится регулярно, раз в два года. Я с удивлением узнал, что в 1966 году он проходил в Тушине. Мы там неподалеку жили, и я отчетливо вспомнил, как меня смазывают тальком, а за окном жужжит. Победительницей того чемпионата стала наша Галина Корчуганова. Через два года в Великобритании чемпионат выиграла Светлана Савицкая.

Затем Лидия Леонова, Валентина Яйкова, Любовь Немкова, Виктор Чмаль, Михаил Мамистов, Сергей Рахманин. Причем Сергей Рахманин выиграл два чемпионата подряд.

Все это — за период с 1960-го по 2007 год. Очень, я считаю, неслабое достижение. Наверное, подумал, страна гордится своими героями и активно способствует развитию данного вида спорта. Этой мыслью я поделился с Викой. «Пойдем, я представлю тебя тренеру вашей сборной», — предложила Прелесь. Пошли. В одном из ангаров мы нашли приветливого мужчину средних лет. «Это Смолин Виктор, главный тренер сборной команды России по самолетному спорту», — сказала Виктория. Мы познакомились и начали беседу. На улице в это время пошел сильнейший ливень, полеты были приостановлены, и беседа проходила неторопливо. Я поделился своими юношескими восторгами с тренером, выразил свое восхищение тем, что и в данной малознакомой пока для меня области люди делают великое благо для своей страны. И выразился в том смысле, что страна платит им тем же.

Но на этих словах тренер рассмеялся. Знаешь, говорит, наш вид спорта в России по статусу сравним разве что с метанием тынзына на хорей! Керлингу уделяется больше внимания.

Керлинг даже стал олимпийским видом спорта. А спортивной авиации будто и нет вовсе.

Хм, думаю, мне довелось однажды метнуть кожаное лассо на палку, которой управляют оленями. Это было в Надыме лет пять назад. Я, естественно, попал мимо палки. Все из-за ветра. Не будь ветра, я насадил бы эту штуку. А так она пролетела в трех сантиметрах от шеста и шлепнулась на ненецкую мохнатую кошку. Мысли мои вернулись из Надыма в Сильверстоун. Я стоял удивленный. Я знаю, что малой авиации в России практически не существует, и даже знаю причины этого. Но не стану тут о грустном. А вот высказанная тренером сентенция меня как бы оглушила. Типа, на дворе XXI век, а крупнейшая в мире космическая держава все продолжает выезжать на энтузиазме профессионалов высшего уровня, периодически подкидывая

им какие-то мелкие бонусы и выдавая это за полноценную поддержку вида спорта. Узнаваемая национальная тенденция.

Вспомнил одного дебила. Пацану пятнадцать лет. Учиться не желает. Все разговоры, как у бабы, о шмотках. На вопрос «Кто тебя, такого дурня, на работу возьмет?» отвечает: «Папа меня пристроит». Вот такие «пристроенные папами» и рулят здесь всем. Дарю, кстати, вам еще выражение: «пристроенный папой»!

**Я, если вообще выпрыгну, про
ваш парашют сразу забуду.
И вывалю от ужаса наружу
все, а не только язык! И падать
буду в позе морской звезды
с поросычьим визгом**

Дождь закончился, завертелись винты. Опять выглянуло солнышко. С полей запахло сеном. И этот запах в сочетании с запахом топлива создавал своеобразное и неповторимое амбре. Я бы знаете, как назвал такой одеколон? «Тарзан», например. Сочетание техногенной мощи и природной свежести. Думаю, Жан-Батист Гренуй разделил бы мои ассоциации.

Из глубокой задумчивости нежным поглаживанием по плечу меня вывела Виктория. «Не грусти, все пройдет, — сказала она. — Хочешь, я тебя прокачу на самолете?» Как мог я отказать? «Только, — сказала она, — ты должен >

будешь пройти инструктаж». «Вика, — говорю, — может, ты мне сама вкратце расскажешь что почем, и все?» «Нет, — говорит, — так нельзя. Это обязательная предполетная процедура, а я с тобой рядом посижу».

Мы внедрились в маленькую комнатку, расположенную в штабе Mazda. Там я заполнил анкету, где встречались, например, такие пункты: не беременный ли я? не занимался ли последние три дня подводным плаванием?

нормальное ли у меня артериальное давление?

Меня это насторожило. Неуверенной рукой я поставил свою подпись там, куда мне указал изящный пальчик Виктории. И настороженно приступил к прослушиванию инструкций.

Высокий летчик по имени Чарли раскрыл ноутбук и не спеша начал.

Чем дальше он рассказывал, тем возрастало внутри меня что-то наподобие нервного напряжения. Однако я сохранял лицо, бодро подмигивал Вичке и даже пытался шутить.

выпрыгнет она, не сиди, как дурень, сигай следом. И чем быстрее, тем лучше». Тут у меня вообще все опустилось ниже плинтуса.

Ну вот почему именно я? Ведь кто-то сейчас гуляет по уютной Бонд-стрит, пьет пиво, совершает покупки. Что же у меня-то все не как у людей? Господи, я же еще совсем молоденький! Видимо, я выглядел не парализованным от ужаса, а сильно сосредоточенным перед совершением хорошо обдуманного поступка человеком. Поставив еще какую-то подпись, я вышел на воздух. Виктория что-то щебетала, про какой-то Карлов мост, а я напряженно думал, как мне соскочить с проекта. Время терпит, Санек, так... Острая зубная боль? Может, расстройство кишечника? Вот, придумал, скажу, что... Но в эту самую минуту ко мне подбежали два мускулистых чела и стали стремительно надевать на меня парашют.

Вот оно! Не успел покормить голубей... Мой сикинг, кажется, уже настал. Я бы даже сказал, что и какинг тоже. Но этого всего, опять же, никто не заметил. Поскольку парашют был тяжелым и занимал всю спину, то к самолету я подходил в позе молодежного поп-певца. Шишка с пузиком горделиво торчат вперед, худенькие лопатки и ножки оттянуты парашютом далеко назад. По бокам идут эти два бойца из ларца и по очереди втирают, как пользоваться парашютом. Дескать, выпрыгнул, сосчитал до десяти, дергаешь кольцо. Кольцо? Какое кольцо?! Это вот этот металлический треугольник размером с автомат Калашникова? Сам, конечно, молчу. Только соплю от натуги. Когда летишь, язык не высывай, ноги вместе, руки на стропы. Ага, конечно, мужчины. Я же прыгун тот еще.

Да я, если вообще выпрыгну, про ваш парашют сразу забуду. И вывалю от ужаса наружу все, а не только язык! И падать буду в позе морской звезды с поросячьим визгом.

Не помню, как оказался в самолете. По сути, это восьми-

Если хоть что-то в организме пойдет не так, сразу ори «айм сикинг» и все пальцы вниз!

«Если вдруг почувствуешь себя плохо, — бодрим голосом продолжал инструктор, — просто скажи „I am sinking“ (что означает „опустите меня на землю, и побыстрее!“), а если не успеешь сказать, то постарайся хотя бы опустить один из своих четырех больших пальцев вниз, как император Рима. Вообще, раз в полминуты Виктория будет спрашивать, все ли у тебя хорошо. Если все хорошо, но ты не сможешь говорить, то задирай все пальцы вверх. Если сможешь говорить, отвечай „айм окей“. Если хоть что-то в организме пойдет не так, сразу ори „айм сикинг“ и все пальцы вниз!»

Я по инерции продолжал улыбаться сильно утончившимися губами. Внутри зарождались молнии. «Если вдруг ты услышишь фразу „Ball out!“ (полтора сальто вперед из сидячего положения), откидывай стеклянный колпак, отстегивай все, что найдешь, кроме парашюта, и прыгай. Не забудь, главное, скинуть наушники, а иначе это будет твой последний трофей в жизни, который потом будет затруднительно отделить от твоей головы». — «А если я не услышу фразу „ball out“?» — с надеждой в голосе спросил я. «Ориентируйся по Виктории:

цилиндровый двигатель мощностью четыреста «лошадей», к которому приделаны крылья и два сиденья. Одно спереди, другое сзади. Вот вы видели такие стулья, в которые сажают детей, чтобы покормить?

Вот такого плана сиденья в этом монстре. Я очутился почему-то спереди. Между ног у меня был джойстик толщиной с карандаш, по бокам — какие-то проволочки и трубочки, а снизу я отчетливо видел английского кузнечика, который сидел на полосе. Видать, зашел проститься.

Все завибрировало, и мы начали разгоняться. Чтобы не пугать Вику, я сам каждые десять секунд, как мантру, бубнил: «Айм окей!» Мы почти вертикально взлетели, резко легли на правый бок, и вдруг мне стало хорошо! Вот представьте, очень хорошо и легко. Наверное, так чувствуют себя дети, когда их катают на каруселях. «Сделаем петельку?» — спрашивает моя шалунья. Конечно! Мощный форсаж, мы переворачиваемся вверх ногами и входим в собственный дымный след. Потом сразу еще. Внизу замелькали маленькие домики, поля, овечки и аккуратные рулеты из сена. А также съемочные группы разных стран, пытающиеся зафиксировать наши передвижения. Затем «бочка». Небо, овечки, горизонт, небо, овечки, горизонт. Потом опять вертикальный взлет и почти полное отключение двигателя. Тишина и удивленная птица справа. Несколько секунд свободного падения, форсаж и еще петля.

«Поддай, Викуся!» — орал я фальцетом, переходящим по мере перегрузок в нормальный такой шансонный сексуаль-

ный баритон. И моя малышка перевернула самолет вверх шасси. В таком виде мы летели почти минуту. И этой минуты мне не забыть. Я в позе эмбриона висел на ремнях, подо мной эти овечки, человечки, и все это — одна жизнь! И это происходит здесь, сейчас. Да нет ничего, что могло бы заменить это состояние. Его можно достичь только в таком полете и только с таким пилотом. Из самолета я выходил сам. Моя осанка выправилась. Парашют уже не весил ничего. Я жарко расцеловал Вику, потом всех, кого встретил в радиусе пятидесяти метров, а они все расцеловали нас.

Что я могу сказать? Кто не летал, тот не поймет. А про посещение Оксфорда я рассказывать не стану. Это личное. Мое, Виктории и Грэма.

Только добавлю, что на этом чемпионате первые и вторые места среди женщин завоевали наши Светлана Капанина и Елена Климович. Спасибо вам, женщины!

М.

